

ОТРАЖЕНИЕ СУФИЙСКО-ХУРУФИТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ НАСИМИ

Н. Мамедов-Тазисой

Ключевые слова: классик, мировоззрение, общечеловеческие ценности, любовь, разум, свобода, ценность, суфизм, хуруфизм, истина, Аллах.

Keywords: classical author, worldview, universal values, love, reason, freedom, value, Sufism, Hurufism, truth, Allah.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-09

В историю азербайджанской поэзии Насими вошел как певец человеческой души. Все его творчество является гимном Человеку и человечеству. Жизнь Насими полностью была отдана в дар людям. Условия, в которых он жил и творил, неизбежно порождали личности, сочетавшие в себе талант поэта и мужественного борца за светлые идеалы. Как свидетельствуют труды ученых, исследующих жизнь, эпоху, условия и творчество Насими, поэт своими газелями поставил всего себя служению Человеку и Добру.

Взгляды Насими оформились под влиянием основателя учения хуруфизма Фазлуллаха Наими из Астрабада, и до конца жизни он следовал этим идеалам. Насими как пропагандист хуруфитских идей был в то время властителем дум народа. Его идеи отвечали настроениям широких народных масс, измученных завоевательной политикой тимуридов.

Однако, говоря о хуруфитских воззрениях Насими, следует подчеркнуть, что до появления хуруфизма «во всей исламской цивилизации можно выделить три процесса, особенно сильно повлиявших на формирование общества. Это милитаризация аграрной политической власти, утверждение шариатских правовых и социальных отношений и подъем суфизма. Ни в литературе, ни в искусстве, ни в экономических явлениях ничто больше не стало столь ярким отражением цивилизации...» [Ходжсон, 2013, с. 277; Hodgson, 1977]. Именно суфизм (тасаввуф) – эзотерическое течение в исламе, имеющее повышенную духовность с проявлениями мистицизма – явился одним из мощных направлений в классической мусульманской философии. Поэтому суфизм, как философско-религиозное учение, был достаточно широко исследован не только азербайджанскими и турецкими, но и зарубежными учеными. Особенно выделяются труды

таких авторов, как З. Кули-заде, А.А. Сеид-заде, Н.С. Неймат, М.А. Айни, О. Джейлан, С. Атеш, Ф. Кёпрюлю, Ф. Сюмер, Е. Бертельс, Р. Николсон, М. Смит, Л. Гарде, А. Арберри и др.

Суфии в своих религиозных взглядах готовы были отказаться от всего мирского, во имя ислама сблизиться с Аллахом, раствориться в нем, познать его высшую божественную Истину.

Суфии не могли обойтись без словесного выражения и интеллектуального анализа своего опыта. По их мнению, внешние правила имели силу только благодаря своему внутреннему, духовному назначению. Главным утверждением суфиев является формула: кто познает свою внутреннюю суть, тот постигает Истину, то есть Аллаха.

Неотъемлемой частью самоконтроля и самодисциплины у суфиев являлся мистицизм, принимающий порой экстатические формы [Ахундова, 2017, с. 27]. Суфизм предложил эзотерическую форму религии, которая позволяла тем, кто обладал соответствующей склонностью, исследовать ее скрытый смысл и внутреннюю реакцию, чего не разрешал нравоучительный публичный шариат. Суфизм в Азербайджане начал свое распространение с конца IX – начала X века. Основными его представителями были А.Х. Дундари-Ширази (X в.), Х. Яздинияр (X век), А.Х. Зура (X – XI века), А. Аббас (XI век), А.С.А. Бакуви (X – XI века), братья А.М. Абдулла Бакуви (XI век), Х. Ширвани (XI век), А.К. Сухраверди (XII век), Ш.О. Сухраверди (XII – XIII века), Х. Табризи (XIII – XIV века), М. Шабустари (XIII – XIV века), М. Авхади (XIV век) и др.

В данной статье мы не ставим перед собой задачу представить историю суфизма и хуруфизма, тем не менее хотим подчеркнуть, какое важное значение имели эти религиозно-философские течения в творчестве крупных мыслителей XIV – XV веков. Заметим, что становлению суфийского учения способствовала интеллектуальная самостоятельность и новаторство ал-Газали, который наряду с этапами становления суфийского синтеза, философской теологии, рассматривал и этическую систему, включающую этику в суфийском синтезе, рационализм и суфийскую мораль, обосновав многообразие нравственных устремлений. М.М. Аль-Джанаби пишет: «История суфийской мысли, предшествующей ал-Газали, хотя и создала необходимый фундамент для будущего здания, нуждалась в умелом строителе, способном такое здание возвести. Ал-Газали, осуществив свой этико-суфийско-философский синтез, построил каркас этого здания. Он подчинил творчество суфиев философской систематике» [Аль-Джанаби, 2010, с. 139].

Хуруфизм был своего рода продолжением суфизма. Однако Насими в начале своего творческого пути выбрал для себя суфизм толка Мансура Халладжа. Позднее, вступив в ряды хуруфизма, сделал своим идейным руководителем Фазлуллаха Наими. Чуткий исследователь хуруфизма и творчества Насими З. Кули-заде, задавая вопрос «Что привлекло Насими в суфизме и хуруфизме? Почему именно эти течения избрал поэт?», отвечает на них следующим образом: «Оба они неотделимы от исторических судеб Востока, его социальной борьбы. Суфизм ... чрезвычайно широкое, многогранное, внутренне противоречивое течение ..., под знаменем которого исторически выступали различные слои общества ... Идеологией их был так называемый критерий суфизм..., суфизм толка Мансура Халладжа – известного суфия-еретика XI века, казненного за утверждение: «Ана-аль-хакк» («Я есть бог»). Этот суфизм ... неудержимо влек к себе Насими ... С философией суфизма вступил Насими на арену общественной и идеологической борьбы своей эпохи. Провозгласив божественность человека, суфизм все связывает с ним, все подчиняет ему ...

Бог и человек в суфизме двуедины, бог есть человек и человек – бог ...

Хуруфизм привлекает Насими и своим активным вмешательством в социально-политическую жизнь общества, которое поэту невыносимо ... Идея «человек и есть бог» звучит в хуруфизме предельно отчетливо и завершено.

Привлек хуруфизм Насими и своим отношением к разуму. Если в суфизме на основе тождества человека и бога стоит любовь, то в хуруфизме это тождество покоится на разуме ...

Вне связи с суфизмом и хуруфизмом – этими двумя... течениями творчество Насими невозможно ни понять, ни научно оценить» [Кули-заде, 1973, с. 7–12].

Через все творчество Насими красной нитью проходит мысль об Истине. Автор страстно призывает всех к познанию человека и окружающего мира, потому что способность познания – величайшее достижение человека. По мнению Ошо, «Истина – это всегда цветение индивидуального сознания. Но она никогда не принадлежит толпе, толпе принадлежит ложь» [Ошо, 2013, с. 61]. Философско-религиозное мировоззрение Насими выражается в том, что он не поднимает Человека до небес, а Истину опускает до своего уровня, чтобы ее понять. В этом ему помог тарикат, который приводит человека к Истине.

Права З. Кули-заде, писавшая: «Хуруфизм только внешне напоминает пифагореизм. Он обожествляет цифры и буквы, но называя их даже первоисточником всех явлений, пантеистически считая, что нет ни буквы, ни звука, ни числа без материи (четырёх элементов), как и нет материи без них. В этом коренится существенное отличие хуруфизма от пифагореизма» [Кули-заде, 1970, с. 12].

Основное внимание Насими уделяет формуле «все – человек». Причем формула «все – человек» дается им не в плане антропоцентризма, а в плане пантеизма. Человек не только центр и конечная цель вселенной, он – воплощение вселенной, и не мир создан божеством для него, как учит антропоцентризм, а сам человек выступает в поэзии Насими демиургом вселенной, богом. Исходя из такого постулата, Насими, подобно своему наставнику Наими и другим идеологам хуруфизма, говорит о тождественности человека букве, миру, четырем элементам и Аллаху. Это можно проиллюстрировать на примере газели «Твое лицо – Аллаха свет»:

Твое лицо – аллаха свет, он грешных жжет карая,
Сто гурий вьются вокруг тебя, ласкаясь и играя,

В твоём лице – единый бог, Коран, Псалтырь и Тора,
Не потому ли твой чудный взгляд горит, нас согревая?

Ты – божья истина, в тебе вселенной равновесье,
И локоны твоих волос – дорога в рай прямая.

...О Насими, в твоих словах дух истины великой,
Трубит труба, всех нас, живых и мертвых, пробуждая.
(Насими, 1973, с. 141–142)¹.

Человек в понимании Насими всемогущ, он – творческое начало, которому все покорно. По мнению поэта, человек в своем лике имеет фактически все атрибуты божественности. А потому он часто повторяет: «в твоём лице – единый бог», «твое лицо – Аллаха свет», «ты – божья истина» и т.д.

Бог – человеческий сын, и человек велик,
Все создавая человек и многое постиг.
Все в мире человек, он – свет и мирозданье,
И солнце в небесах есть человеческий лик

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

(Насими, 1973, с. 256).

По мнению Насими, человеческая сила и познание безграничны, поэтому, если человек стремится к счастью, он должен его постичь. Ведь по философии поэта человек в силах проникнуть в сущность всего происходящего в мире. А для того, чтобы человек постиг мира и себя, он должен стать морально-нравственно великим. Поэт верит не только в свои силы, но и в силы людей, наставляет их на путь наслаждений благами жизни, что в конечном итоге приводит Насими к пониманию принципов гуманистической морали. Поэтому он всегда советует быть добрым, правдивым, справедливым, порядочным, клеймит алчность, страсть к наживе и богатству. Достаточно сказать, что эти взгляды Насими и в наше время не потеряли своей актуальности. По его мнению, духовное несовершенство человека – его невежество:

Путь к правде Правда направляла строго,
И вот лицо открыла недодрога,
И я благу истину постиг:
«Лишь ты мой бог. Нет бога кроме бога»
(Насими, 1973, с. 261).

Как мы убеждаемся, неиссякаемым источником жизни для Насими является путь к Правде, к Истине. Они – его Аллах. Кроме Аллаха нет Аллаха. Мерилами его достоинства являются Правда и Истина. Оба эти понятия для автора всегда отражали его жизненную философию. Его Правда, отражая собственные взгляды, превращалась в Истинную Правду. Поэтому она лишена помпезности, демонстративности, представлена без прикрас.

В понимании Насими самопознание возвеличивает человека. Поэтому он много пишет о самопознании, что в конечном итоге приводит к познанию бога в человеке. Об этом прекрасно сказано в газели – самовосхвалении, которую в свое время переводили на русский язык талантливые переводчики азербайджанской классической поэзии Н. Гребнев и Т. Стрешнева. Оба переводчика стремились адекватно передать художественно-образный мир Насими, где поэт представляет свою истинную суть:

Я стих Корана, я – аллах, свеченье вечного огня,
Я – собеседник высших сил, гора Синай отныне я.

Я вещей сур громовый стих и точно начертанье их.
Они звучат в устах моих, с концом начало едина.

Я корень древа и листва, смерть и рожденье естества,

Я раб, не помнящий родства, приговоренный и судья.

...Я – небо, твердь, вода и пар, я наводнение и пожар,
Я – жемчуг, океана дар, предвижу все заране я.
(Насими, 1980, с. 45–46).

Как мы видим, Насими страстно призывает людей к познанию. Его уста пересыпаны выражениями: «Я стих – Корана», «я – Аллах», «я – собеседник высших сил», «Я – корень древа и листвы, смерть и рождение естества», «Два мира я в себе вместил» и т.д. Все это, безусловно, связано с глубиной разума великого Поэта. Пропагандируя суфийские и хуруфитские идеи, Насими в то же время не видит особой разницы между мусульманином, христианином, идолопоклонником и огнепоклонником.

Все это ясно показывает, что творчество Насими отличается оригинальностью, подлинным новаторством, исключительно своеобразным мировидением, философско-религиозной неординарностью. Эти качества проявляются как в форме и содержании, так и в описании отношения автора к окружающей действительности и Всевышнему. Насими своим тюркским диваном (имеется в виду «Иракский Диван» – Н.М.Т.) довел тюркскую поэтико-философскую мысль до совершенства арабо-персидского стиха, имеющего незабываемые традиции на протяжении нескольких столетий [Nāsīmi, 2009, с. 206–251].

Философско-религиозное мировоззрение Насими было прогрессивным явлением для эпохи XIV – XV веков. В центре его внимания всегда находился призыв к духовно-нравственной независимости; он придавал особое значение общечеловеческим ценностям, любви к человеку и миру.

Все имеющиеся исследования о Насими в большинстве случаев представляют этого крупного мыслителя художником оригинальным в своем мироощущении и неповторимым в своем художественном мирозидании.

Известно, что в поэтическом наследии Насими художественно-философская мысль, ее выражение достигают своего безусловного совершенства. Мы вполне солидарны с мыслью, что не будь Насими, хуруфитские идеи очень быстро могли бы потерять свою былую славу и силу. Правы исследователи, отмечавшие, что важную часть художественного наследия поэта составляют стихи, отстаивавшие именно хуруфитские идеи. Эти поэтические образцы исследователи квалифицируют по-разному. По их мнению, если в некоторых стихах поэта в определенной степени затрагиваются те или иные выражения в

какой-то конкретной строке или двустииши, то в других поэтических образцах содержание, символическая семантика, их идейные цели в общем призваны служить трактовке художественно-философского толкования хуруфизма [Вабаяев, 2018, с. 234].

Будучи религиозно-философски мыслящим художником, Насими своими творениями поднял «слово» на новую высоту. Опираясь на толкование, исходящее из Корана, Насими руководствовался формулой «Аллах → слово → человек», что было характерно для суфиев и хуруфитов. «Слово» введено им в контекст мусульманского пантеизма. По идее Насими, слово состоит из шести граней, имеющих свои хронотопы, то есть пристрастно-временные координаты, между которыми есть условия возможной гармонии – увязка во времени скоростях, в ритмах. Выражаясь словами М. Бахтина, в них присутствует существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений. Несмотря на это, слово в толковании Насими в то же время не имеет границ, глубины и длины. В его философском понимании Творец и слово имеют одну и ту же аналогию и суть (ср. понятие «логос»). Творец фактически есть проявление сути в букве, слове, выражении.

Ю.И. Рустамов справедливо отмечает: «Творчество ... Насими посвящено доказательству истинности суфийского учения – религии любви к Истине, служению Аллаху, стремлению к духовному слиянию с Ним, ... обеспечению человеку вечного счастья после его физической смерти» [Рустамов, 2006, с. 115].

Насими, так же как и его наставник, исходил из того, что буквы Корана могут быть одновременно и материальными, и духовно-божественными. Это дает нам право судить о том, что Насими своим мировоззрением намного расширил философско-эстетическое понимание сути хуруфизма, сблизил его с жизнью и духовными запросами человека. Цель хуруфитских взглядов Насими сводится к цели овладения истинными знаниями, с тем, чтобы приблизиться к совершенству. Кто сумеет пойти по этому пути, тот, безусловно, обретет истинную свободу. Такой подход к пониманию дает ему нравственное право на провозглашение формулы «Ана-ал-Хакк», то есть «Я – Истина, я – Аллах». В соответствии со своими хуруфитскими взглядами Насими противопоставил гордый дух – загнивающей догме, свободное инакомыслие – растерянности, обскурантизму:

Все в мире – человек, он – свет и мирозданье,
И солнце в небесах – есть человеческий лик
(Насими, 1973, с. 256).

С. Шихиева, в течение долгого времени последовательно и концептуально изучавшая наследие поэта, отмечает, что «Ана-ал-Хакк» как мистическое слово, предопределившее эстетическую систему Насими, корнями уходит в учение его предшественника Мовланы (имеется в виду Мовлана Джалаледдин Руми – Н.М.Т.). Углубляясь в недра «Ана-ал-Хакк», ученый замечает, что это выражение – не единственный источник, питающий его религиозно-философско-поэтическое мышление. Тут имеются созвучия с концепциями Санаи, Багли, Аттара и др. В своих газелях Насими, как правило, называет себя не суфием, а «əhli-irfan» (т.е. человек, познавший бога) [Şixiueva, 2016, s. 122 – 131].

Философско-эстетическая концепция Насими в части его религиозных воззрений, безусловно, опирается на концепцию предшественников. Именно поэтому он однозначно разделяет их мнение «вахдат аль-вуджуд» («единство бытия»). Для Насими раздвоение души неприемлемо, ибо двойственность может содержать противоположные, взаимоисключающие друг друга гипотезы. Поэт глубоко верит в то, что он всей своей силой стремится постичь истину:

Я истину постиг, пройдя через страданья,
Я истину постиг и жажду с ней слиянья.

...Я постоянно пьян, но пьян не от вина
Я пью вино любви, и пью вино познания
(Насими, 1973, с. 36).

В творчестве Насими, как было сказано выше, важное место занимает идеология хуруфизма. Можно сказать, что в подавляющем большинстве газелей поэта основная идея ориентирована именно на разъяснение семантико-символического содержания, художественно-философского толкования хуруфизма.

Насими как поэт-философ всегда стоял выше своей эпохи. Он не смирялся с законами того общественно-исторического строя, в котором жил. Он – поэт-философ и борец-бунтарь. Именно поэтому в центре внимания Насими стоит призыв к борьбе, обращенный к современникам.

С точки зрения жанрово-формальных особенностей созданные поэтом образцы достаточно разнообразны. Интересно, что многие поэтические образцы Насими («Слово», «В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь...»), «Кто истину постиг», «Я – бог», «И я есть бог», «Я богом сотворен», «Я – божие сияние», «Я истину постиг», «На свете истина одна», «Бог предо мной предстал» и др.)

дают возможность для прояснения идейной системы и концепции мыслителя. Многие образцы нацелены на раскрытие типического и общих положений для формирования собственных взглядов Насими на религиозно-философскую концепцию хуруфизма. Независимо от историко-политической обстановки эпохи, Насими чутко откликается на все явления современной ему действительности, «на религиозно-философские, социально-политические, нравственные и житейские проблемы» [Ибрагимов, 1973, с. 17–20].

По мнению Насими, путь к Истине мучительный и долгий:

И чтобы истину узреть, ее не сторонитесь,
Глядите ввысь или вокруг влюбленными глазами
(Насими, 1973, с. 44),

или:

Кто истину постиг, тот понял без труда:
Любовь для смертных нас воистину – беда
(Насими, 1973, с. 161),

или как в стихотворении «Лишь прозорливым истина видна»:

Кто истину постиг, тот стал кораллом,
Рубином стал, чья гладь отгранена.

Суть всех кругов и разделений ада,
Суть всех стихий лишь мудрецу ясна
(Насими, 1973, с. 221),

Или:

Все тайны разгадал, в суть мира я проник,
Все буквы тридцать две вместил в себя мой лик.

Исток предвечен мой, конец мой бесконечен,
Я в мире всемогущ, всемиловит, велик
(Насими, 1973, с. 249).

Почему Насими всегда в центр внимания ставит Истину? Потому что он ясно представляет себе, что Истина постоянно ускользает перед лицом усилий постичь ее. Ведь с попыткой постичь Истину перед человеком раскрывается еще бóльшая глубина противоречий в предыдущей Истине. Это показывает, что Истина – сущность бесконечная. Несмотря на бесконечность Истины, Насими устремляет свои взоры к возможностям ее постижения. В этом плане Насими кажется, что только любовь к Истине может привести человека к ее постижению. Ему кажется, что если человек поймет вечные истоки

жизни, то тем самым он уже может быть всемогущим – и «божьим раем», и «небосводом», «и его создателем», «аятом» из Корана, «Каабой и кыбла», «ликом Аллаха», «скрытым кладом», «и свечой» и «Судным днем» и т.д. и т.п.:

Я – божий рай и Коусар прохладный,
И та река, которой высыхать.

И небосвод я, и его создатель,
Аят, который надо толковать.

Я и ковчег, я и потоп всемирный.
И Ной, который призван всех спасать.

Кааба и кыбла, я – лик Аллаха,
Молитва я, и вам ее шептать.

... Я – все стихии все шесть измерений
Мне подчиняться и повелевать
(Насими, 1973, с. 34).

Насими хорошо представляет себе, что физический контакт человека с Аллахом немыслим. Человек лишь чувственно может его воспринимать и слиться с ним. Поэтому все усилия великого поэта направлены на то, чтобы чувственно слиться с Аллахом. Он понимает, что богом сотворен, он представляет себе величие бога, а потому и он – божий любимец:

Я дух и тело, суть и оболочка,
Я форма, содержания залог
(Насими, 1973, с. 29).

В то же время он сознает и то, что он – суфий. И огонь любви к Аллаху его сжигает:

Как суфий я Аллаха восхваляю,
Святое имя я себе нарек
(Насими, 1973, с. 30).

Насими хорошо знает особенности миров. Поэтому он считает себя божьим сияньем, райским садом, ангелом, стражем у райских ворот, «каф» и «нуном», началом всей вселенной, сурой Корана, он – жизнь и смерть:

Я – тайна мира, сила и бессилье,
Я тот, кого увидеть все хотят.

...Я наблюдаемый и наблюдатель,
Я свет и темень, я и стар, и млад.

...Я – Насими, во мне виденье бога,
Я – свет небес, восход я и закат
(Насими, 1973, с. 31–33).

Насими представляет себя в таком свете потому, что слияние с Всевышним заключается в незыблемом подобии свойств творения и Творца. Он хорошо знает, что в таком подобии и осуществляется постижение Аллаха. Почему Насими стремится к Истине? Потому что он, имея в виду состояние абсолютного слияния как единого целого с высшей силой, осознает: именно в этом случае Аллах полностью постигается в творении. Он знает и то, что Аллах первооснова, первопричина, а творение вторично.

Пропагандируя свои пантеистические воззрения, Насими в то же время старается вызвать у читателей симпатию к хуруфизму и к его вождю. В произведениях поэта Фазлуллах идеализируется. С точки зрения Насими Фазлуллах познал все божественные тайны, открыл истины, недоступные таким пророкам, как Муса, Иса и Мухаммед. Он характеризуется как личность, которая правильно раскрывает тайные смыслы Корана. И поэтому достиг того, чтобы стать богом... [Араслы, 1972, с. 44–45].

Как мы видим, в формировании мировоззрения Насими важную роль, наряду с идеями предшественников, сыграли его духовные, нравственные взгляды на мир и любовь к Аллаху. Мировоззрение Насими – ядро его сознания, показатель зрелости поэта, формировавшейся через собственные знания, чувства, эмоции, мирозерцание, отношение к добру и злу. Именно эти черты дали возможность Насими найти свое оригинальное место в истории азербайджанской литературно-художественной мысли эпохи XIV – XV веков.

Хотелось бы сказать несколько слов об одном сборнике газелей И. Насими «Иракский Диван», который издавался в разные годы в Азербайджане. Последнее издание подготовлено к печати проф. Газанфаром Пашаевым, редактор и составитель пояснительного словаря – Мамедали Аскеров [Nəsimi, 2018, s. 384]. Заметим, что иракский диван был найден наследником Шаха Исмаила Хагаи Сеидом Гейдаром и подарен керкюкскому ученому Абдул-латифу Бендероглы. В «Диване» представлены более 400 стихов, из которых 398 стихов подписаны псевдонимом Насими [Nəsimi, 2018, s. 3–14].

Итак, влияние хуруфитской философии на мировоззрение Насими привело к тому, что в его поэзии обнаруживается идея отождествления Человека и Аллаха. В большинстве случаев мировоззренческие взгляды Насими выходили за рамки его хуруфитской концепции. Своими газелями, рубаи и четверостишиями он утверждал мир реальный, земной, прославлял красоту и благородство человека, веру в его силы.

Литература

- Аль-Джаноби М.М. Теология и философия ал-Газали. М., 2010.
Араслы Г. Имадеддин Насими (жизнь и творчество). Баку, 1972.
Ахундова Н.Ф. Развитие суфизма в Азербайджане: возвышение Шейха Суфи Ад-Дина Исхака Ардебели в эпоху Ильханата (на основе сведений западной историографии). Баку, 2017.
Ибрагимов М. Насими и его время // Насими. Лирика. М., 1973.
Кули-заде З.А. Насими – философ и поэт Востока. Баку, 1973.
Кули-заде З. Хуруфизм и его представители в Азербайджане. Баку, 1970.
Ошо Р. Люди пути. О суфиях, суфизме и суфийских историях. СПб., 2013.
Рустамов Ю. Поэзия Насими – религия любви к Истине (некоторые размышления о мировоззрении поэта под впечатлением нового прочтения сборника его стихотворений) // *Mütərcim*. 2006. № 3–4.
Ходжсон М. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней. Пер. с англ. А.Н. Гордиенко, И.В. Матвеева, Н.В. Шевченко. М., 2013.
Babayev Y. *Azərbaycan ədəbiyyat tarixi (XIII – XVIII əsrlər)*. Bakı, 2018.
Hodgson M. *The Venture of Islam. Conscience and History in a World Civilization*, Chicago and London, 1977.
Nəsimi İmaddədin. *İraq Divanı*. Bakı, 2018.
Seyid İmadəddin Nəsimi / *Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi*. Bakı, 2009.
Şixiyeva S. *Nəsiminin irfani görüşləri // Sivilizasiya*. 2016. № 4.

Список источников

- Насими И. Лирика. М., 1973.
Насими. Врата Древнего Востока (сборник). Пер. Т. Стрешневой. Баку, 1980.

References

- Al-Janabi M.M. *Teologiya i filosofiya al-Gazali* [Theology and Philosophy of al-Ghazali]. Moskva, 2010.
Arasli G. *Imadeddin Nasimi (zhizn' i tvorchestvo)* [Imadaddin Nasimi (life and work)]. Baku, 1972.
Akhundova N.F. *Razvitie sufizma v Azerbajdzhane: vozvyshenie SHEjha Sufi Ad-Dina Iskhaka Ardebili v epohu I'lhanata (na osnove svedenij zapadnoj istoriografii)* [The Development of Sufism in Azerbaijan: the rise of Sheikh Sufi Ad-Din Ishaq Ardebili in the era of Ilkhanat (based on Western historiography)]. Baku, 2017.
Ibragimov M. *Nasimi i ego vremya* [Nasimi and his Time]. *Nasimi. Lirika* [Nasimi. Lyrics]. Moskva, 1973.

Kuli-Zade Z.A. *Nasimi – filosof i poet Vostoka* [Nasimi – the Philosopher and the Poet of Vostok]. Baku, 1973.

Kuli-Zade Z. *Hurufizm i ego predstaviteli v Azerbajdzhane* [Hurufism and Its Representatives in Azerbaijan]. Baku, 1970.

Osho R. *Lyudi puti. O sufijyah, sufizme i sufijjskih istoriyah* [People of the Way. About Sufis, Sufism and Sufi stories]. Sankt-Peterburg, 2013.

Rustamov Y. *Poeziya Nasimi – religiya lyubvi k Istine (nekotorye razmyshleniya o mirovozzrenii poeta pod vpechatleniem novogo prochteniya sbornika ego stihotvoreniij)* [Nasimi's Poetry is a Religion of Love of Truth (some reflections on the poet's worldview under the influence of a new reading of the collection of his poems)]. *Mutarcim* [Mutarcim]. 2006. No. 3–4.

Hodgson M. *Istoriya islama: Islamskaya civilizaciya ot rozhdeniya do nashih dneij* [History of Islam: Islamic Civilization from Birth to the Present Day]. Translation from English by A.N. Gordienko, I.V. Matveev, N.V. Shevchenko. Moskva, 2013.

Babayev Y. *History of Azerbaijani literature (XIII – XVIII centuries)*. Baku, 2018.

Hodgson M. *The Venture of Islam. Conscience and History in a World Civilization*. Chicago and London, 1977.

Nasimi Imasaddin. *Iraq Divani*. Baku, 2018.

Sayid Imaddin Nasimi. *History of Azerbaijani Literature*. Baku, 2009.

Shikhiyeva S. Nasimi's Irfan Meetings. *Civilization*. 2016. No. 4.

List of sources

Nasimi I. *Lirika* [Lyrics]. Moskva, 1973.

Nasimi I. *Vrata Drevnego Vostoka* [Gates of the Ancient East]. Transl. by T. Streshneva. Baku, 1980.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЛЕКСАНДРА ЕРЕДЕЕВА

М.С. Дедина

Ключевые слова: алтайская литература, Александр Ередеев, автор, художественное пространство, картина мира, образ, система, топос, мотив.

Keywords: Altaian literature, Alexander Eredeev, author, artistic space, worldview, image, system, topos, motif.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-10

В алтайской литературе второй половины XX века Александр Ередеев занял особую нишу, став удивительно тонким писателем с